

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.13102

EDN: HVLDFD

Новозаветные метафоры моря и огня в «Пирамиде» Л. М. Леонова

А. А. Дырдин

*Ульяновский государственный технический университет
(г. Ульяновск, Российская Федерация)*

e-mail: dyrd@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию евангельской метафоры в романе Л. М. Леонова «Пирамида» (1940–1994). Тема ассоциативно-символической природы, религиозно-мистериального, метафорического контекста произведений писателя находится на начальном этапе разработки. Материалом исследования послужили метафоры моря и огня, а также другие метафорические образы, взятые из трех синоптических Евангелий русской Синодальной Библии, а также Откровения Иоанна Богослова с их обилием чудес, видений и пророчеств. Изучены отдельные особенности метафоризации в «Пирамиде», связанные с философско-художественной сущностью творческой личности Леонова, онтологически заостренным видением человека и мира. Предлагаемые наблюдения носят предварительный и фрагментарный характер. Задача статьи — выявление метафор, ставших у Леонова важнейшим элементом художественного мышления и стиля. Методика статьи сопрягается с христианской традицией толкования Ветхого и Нового Завета, святоотеческой герменевтикой, современными представлениями о метафоре. Использован когнитивно-лингвистический инструментарий комментирования метафорических образов Евангелия, опыт современной метафорологии. Единство духовного и эстетического опыта писателя обнаруживается в надструктурной образной системе, порожденной тягой к символизации событий и характеров. Метафорика романа служит мостом между содержанием евангельского канона и художественной логикой автора, материализованной в цепи трансформированных библейских аллегорий, притч, пророчеств. В тексте романа они заменены имеющими синкретически-синтезированную целостность метафорическими фразеологизмами. Метафоры-приращения Леонова образуют новое метафорическое поле. Не теряя исходной духовно-нравственной семантики, они становятся самодостаточными. Интегрирующая разные уровни реальности философско-эстетическая интуиция Леонова порождает дополнительные смыслы. Можно говорить о соединении метафор, двойной метафоре, смешанной, непротиворечивой метафоре, которые разворачиваются в романе и составляют основу повествовательной системы. Результатом семантической экспликации прямой евангельской метафоры стало усвоение заданных евангельским

текстом значений. С помощью развернутых метафор и парафраз Леонов означает узловые идеи «Пирамиды». Главная из них — трагические сдвиги национальной судьбы, вызванные отступлением от Православия, от основ русской культурной самобытности. Рассматриваемые в статье метафоры графически выделены в тексте «Пирамиды». Графические акценты в метафорах-словосочетаниях имеют существенное значение для читательского восприятия произведения. Метаморфные образы-архетипы Пути, Корабля, Истины высветили идейно-философские глубины последнего произведения Леонова.

Ключевые слова: Пирамида, Л. Леонов, герменевтика, евангельская метафора, Новый Завет, философско-символическое мышление, метафоры-приращения моря и огня

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской литературы: А. П. Платонов, Л. М. Леонов, А. В. Иванов» (проект № 23-28-00905, <https://rscf.ru/project/23-28-00905/>).

Для цитирования: Дырдин А. А. Новозаветные метафоры моря и огня в «Пирамиде» Л. М. Леонова // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 324–348. DOI: 10.15393/j9.art.2023.13102. EDN: HVLDFD

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.13102

EDN: HVLDFD

New Testament Metaphors of Sea and Fire in “Pyramid” by L. M. Leonov

Alexander A. Dyrdin

*Ulyanovsk State Technical University
(Ulyanovsk, Russian Federation)*

e-mail: dyrd@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the Gospel metaphor in L. M. Leonov’s novel “The Pyramid” (1940–1994). The theme of associative and symbolic nature, religious, mystical, and metaphorical context of the writer’s works is at the initial stage of research. The study material comprised the sea and fire metaphors, as well as other metaphorical images taken from the three synoptic Gospels of the Russian Synodal Bible, as well as the Revelation of John the Theologian with their abundance, miracles, visions and prophecies. Certain features of metaphorization in the “Pyramid” related to the philosophical and artistic essence of Leonov’s creative persona, ontologically sharpened vision of man and the world are studied. The proposed observations are of a preliminary and fragmentary nature. The task of the work is to reveal the metaphors that have become the most important element of Leonov’s artistic thinking and style. The methodology of the article is integrated with the Christian tradition

of interpretation of the Old and New Testaments, patristic hermeneutics, and modern ideas about metaphor. The author uses cognitive and linguistic tools, as well as the modern studies of metaphor, to comment on the metaphorical images of the Gospel. The unity of the writer's spiritual and aesthetic experience is revealed in the suprastructural figurative system generated by the craving for symbolization of events and characters. The metaphoric images of the novel serves as a bridge between the content of the Gospel canon and the author's artistic logic, materialized in a chain of transformed biblical allegories, parables, and prophecies. In the text of the novel, they are replaced by metaphorical idioms that have a syncretical synthesized integrity. Leonov's accretion metaphors form a new metaphorical field. Without losing their original spiritual and moral semantics, they become self-sufficient. Leonov's philosophical and aesthetic intuition, which integrates different levels of reality and generates additional meanings. We can talk about the combination of metaphors, the double metaphor, the mixed, non-contradictory metaphor that unfolds in the novel and forms the basis of the narrative system. The result of the semantic explication of the direct Gospel metaphor was the assimilation of the meanings given by the Gospel text. With the help of extended metaphors and paraphrases, Leonov signifies the key ideas of the Pyramid. The main one is the tragic shifts in national destiny caused by the apostasy from Orthodoxy, from the foundations of Russian cultural identity. The metaphors considered in the article are graphically highlighted in the text of the "Pyramid." Graphic accents in phrase metaphors are essential for the reader's perception of the work. Metamorphic image archetypes of the Way, the Ship, and the Truth highlight the ideological and philosophical depths of Leonov's last work.

Keywords: Pyramid, L. Leonov, hermeneutics, gospel metaphor, New Testament, philosophical and symbolic thinking, accretion metaphors of the sea and fire

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 23-28-00905, <https://rscf.ru/project/23-28-00905/>.

For citation: Dyrdin A. A. New Testament Metaphors of Sea and Fire in "Pyramid" by L. M. Leonov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 324–348. DOI: 10.15393/j9.art.2023.13102. EDN: HVLDFD (In Russ.)

Памяти Александра Лысова¹

Введение

«Пирамида» Л. М. Леонова завершает линию философско-религиозных поисков русской литературы XX в. Роман-завещание неоднократно становился объектом литературоведческих, лингвистических, философских исследований. Постепенно изучение жанровой природы, архитектоники и образного языка последней книги Леонова смещается в область взаимодействия литературы и философии, поэтико-семантических штудий. В их центре — темы грехопадения, дьявольского искушения, поисков спасения, библейские сюжеты и образы, транслируемые писателем в символической проекции.

Ныне, три десятилетия спустя после публикации итогового произведения Леонова, в посвященных ему работах доминирует мотивный анализ. Истолкование идейного мира, смысловой сложности образов основано на мотивно-интертекстуальной методике, представлении о миметическом потенциале культурных традиций и архетипических топосов. «Пирамида» интерпретируется как роман-миф, роман-притча, роман-ракурс. Н. А. Сорокина, предложившая последнюю дефиницию жанра, соотнесла его специфику с открыто выраженным авторском началом, использованием разрядки для выделения слов, обладающих повышенной семантической нагрузкой (см.: [Сорокина: 508]).

Сегодня «Пирамиду» рассматривают с философских позиций. Последнее произведение писателя-мыслителя, по А. А. Воробьеву, «текст глубоко христианский, но как бы "навыворот", своим дерзновением балансирующий на грани еретичества и даже сатанизма» [Воробьев: 162–163].

Леонов принадлежит к ряду отечественных писателей философского склада с интенсивным национальным самосознанием, выразившимся в его идеологии, языке и стиле. Мышление

¹ А. Г. Лысов (1947–2009) — исследователь культурных традиций в творчестве Леонова. Его кандидатская диссертация: «Раннее творчество Леонида Леонова. Концепция культуры» (Л., 1980). Лысов — собеседник Леонова на протяжении двадцати лет (1975–1994). Подготовил текст ходатайства о присуждении Нобелевской премии Леонову в области литературы (1993), опубликовал материалы десяти бесед с ним.

художника, которое определяется здесь как метафорическое, относится, по современной лингвистической классификации (см.: [Чернейко: 40–49]), к герменевтическому типу.

Отправная точка прочтения романа в ракурсе сравнительного подхода — опыт выявления и трактовки значений метафор Нового Завета, которые заняли в образно-семантической структуре романа доминирующее положение.

Леонов, размышляя о преимуществе философски отточенного «д о с т о е в с к о г о творческого метода»² по сравнению с доходящим до мельчайших подробностей критическим реализмом Толстого, перенимает у Достоевского приемы организации текста³. Об одном из них — было сказано выше. Это стремление графически выделять «своего рода смысловые стяжения в тексте, — именно те слова, которые обязательно должны прочно войти в сознание» [Захаров: 21].

Тема романа, «размером с небо и емкостью эпилога к Апокалипсису»⁴, раскрывается через обращение к метафорическому языку Св. Писания. Во фрагменте, опубликованном за десять лет до создания последней редакции «Пирамиды», читаем:

«...для надежного, потустороннего к тому же проникновенья в такую глубь естества и впрямь лучше всего годилась панорамная библейская схема» (Леонов 1984: 573).

Леоновым создается философско-мистический роман с развитой системой аллюзий и индивидуально-авторской метафорики. В нем аллегория, реминисценция и метафора выступили средствами актуализации священных смыслов Библии.

² Леонов Л. М. Достоевский и Толстой // Леонов Л. М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 10: публицистика; фрагменты из романа / примеч. О. Михайлова. С. 529. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Леонов 1984* и указанием страницы в круглых скобках.

³ В. В. Здольников пишет: «Для критических параллелей в творчестве Достоевского и Леонова оснований более чем достаточно. Изогранный порой психологизм, темы "последних вопросов", неожиданные сюжетные повороты, "вечные образы"-символы, тема двойничества, прямые аллюзии в "Пирамиде", вплоть до Алеши-горбуна и Великого Инквизитора» [Здольников: 157].

⁴ Леонов Л. М. Пирамида. Роман. М.: Голос, 1994. С. 11. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Леонов 1994* и указанием книги и страницы в круглых скобках.

Ведущая идея нашей работы — об исключительной роли введенных автором в текст метафор и метафорических фразеологизмов, воплотивших глубинные смыслы четырех канонических Евангелий.

Попытаемся — в первом приближении — проследить движение метафорической мысли писателя, которое создает образно-символический остов «Пирамиды».

Вот исходные тезисы наших размышлений:

1. Пространство романа-наваждения организовано с помощью ценностных семантических доминант — метафор, свидетельствующих о символической природе мышления Леонова.

2. Метафоры в тексте «Пирамиды» локализуются одновременно на нескольких уровнях: тексте, дискурсе и контексте.

3. Метафора в романе — универсальное хранилище смыслов, средство постижения реальности, характеристики внутреннего мира героев.

Последнюю книгу писателя-философа отличает усиление роли метафоры на фоне других тропов и фигур речи. Для Леонова метафора — метафора-символ, метафора-катахреза — становится способом постижения мира вещественного и трансцендентного. Пространство первого постигается в чувственной форме, второго — в метафизической. Текст «Пирамиды» насыщен эсхатологическими метафорами, заимствованными из Священного Писания. Обратимся к этому феномену идейного содержания и поэтики романа⁵.

В последней редакции эстетико-философская основа романа, которая в некоторой степени сохраняла преемственность с предыдущим замыслом, изменилась. Главной причиной такого решения послужило усиление исповедального начала, движение текста в сторону «романа-самоопределения»: «Почему же не библейский роман?» — задает вопрос А. Лысов. По его мнению, роман «Пирамида» в новейшей версии так же, как «Братья Карамазовы» Достоевского, «содержит в себе *соборный* образ Библии от дней творения до патмосского Откровения, пронизан во всех деталях, поворотах темы, символикой, сюжетами и идеями вечной книги» [Лысов: 219].

⁵ Исходные предпосылки изучения связей «Пирамиды» с текстом Св. Писания были намечены нами ранее (см.: [Дырдин: 93–240, 277–292]).

Кратко остановимся на хронологии работы писателя над текстом «Пирамиды».

Творческая история «Пирамиды» сложна и драматична. Реализация замысла затянулась на несколько десятилетий. В домашнем архиве Леонова хранится машинопись первого варианта, начатого накануне Великой Отечественной войны и законченного в конце 1970-х гг. Синхронно шла работа над переделкой «Вора» (редакции 1982, 1990 и 1993 гг.), послевоенными пьесами, «Русским лесом», публицистическими статьями, издаются фрагменты новой версии романа⁶. Последняя редакция, ставшая канонической, опубликована в двух изданиях: сначала журнальном, затем — в виде двухтомника. В тексте, подготовленном на основе авторизованной машинописи незадолго до смерти писателя⁷, выразился обострившийся интерес к мистическим сторонам реальности. В частности, это можно заметить по новым вставкам. Одна из них, не вошедшая в опубликованный вариант романа, приведена В. Десятниковым⁸: «После ужина Л. М. продиктовал мне новую вставку о сновидении пастушка после грозы. Работать с Л. М. очень трудно, так как он стремится к максимальной точности в наборе — "мозаике" слов, чтобы в конечном итоге получился хоть и маленький, но законченный фрагмент красочного художественного "панно". В заключение я переписал набело продиктованное мне предложение: "В сновидении ближайшей ночи ритуально неторопливая рука Всевышнего дважды не успевала полностью благословить ребенка на поиск предназначенной ему Истины небесной, ибо тот всякий раз своенравно спешил, пока жив, постичь догматическую, мучительную логику Истины церковной,

⁶ Первоначально текст «Пирамиды» был представлен фрагментами первой редакции: Мироздание по Дымкову // Наука и жизнь. 1974. № 11. С. 38–43; Последняя прогулка // Москва. 1979. № 4. С. 135–140; Спираль: (отрывок) // Роман-газета. 1987. № 13. С. 86–89.

⁷ Автограф романа датирован 21 марта 1994 г. 7 августа того же года Леонов умирает во сне. Его отпевают в церкви Вознесения Господня на Большой Никитской улице.

⁸ Десятников Владимир Александрович, художник, искусствовед, публицист. Отразил в пятитомном «Дневнике Русского» историю своих товарищеских отношений с Леоновым, эпизоды совместных посещений храмов, монастырей, факты общения писателя с православными священниками, опыт своего сотрудничества с ним в качестве секретаря.

чтобы лишь в предпоследний миг бытия совместить обе воедино» [Десятников: 178].

Леонов с детства приобщился к чтению священных книг, хорошо знал Новый Завет. Как вспоминает В. А. Десятников, писатель часто беседовал со священнослужителями, консультировался с ними⁹. Это свидетельство дает основание говорить о неслучайности обращения писателя к евангельским сюжетам и метафорике.

Попытаемся определить роль евангельских метафор моря (стихии воды) и огня, реминисценций и отсылок к библейскому тексту в романе Леонова.

Евангельские метафоры в «Пирамиде» Леонова: генезис, контексты, истолкование

В литературной критике метафоричность языка писателя воспринимается как непреложное качество его художественного дара. Д. Горбов нашел природную метафору для характеристики стиля раннего Леонова: «...плавная и гибко-извилистая река центральной полосы России, послушно отражающая в своем чистом и прозрачном, но и глубоком потоке все разнообразие прибрежной жизни и изменчивость неба над ней» [Горбов: 169].

В. А. Ковалев, связавший метафорику с «музыкальным» началом композиционной структуры произведений Леонова, замечает: «Эти мотивы — повторяющаяся, варьируемая, проходящая через все произведения мысль-метафора, художественная деталь, подчеркивающая какие-то стороны образа или содержания произведения в целом» [Ковалев: 94].

Выявляя заимствования, скрытые и явные отсылки к тексту Священного Писания, мы ставим задачу раскрыть художественно-эстетическую природу включенных в текст «Пирамиды» метафор, отсылок-аллюзий, реминисценций, метафорических

⁹ О встречах Леонова с игуменом Андроником (Трубачевым), внуком Флоренского, сообщает В. А. Десятников в письме автору статьи от 2 апреля 2006 г. Им же подчеркнута особенное отношение Леонова к Евангелию от Матфея и Нагорной проповеди: «...из всего Нового Завета Леонов чаще всего обращался именно к Евангелию от Матфея. Нагорную проповедь знал слово в слово еще с гимназических лет. И другие стихи мог процитировать по памяти. К примеру: "И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься"» (Мф. 11:23) [Десятников: 347].

реплик. Постоянное обращение Леонова к темам и мотивам Вечной книги, поэтическим приемам (амплификация, иносказание, инвективы, полисемантизм слова), обусловлено коренными свойствами его стиля. Стиль Леонова — кумулятивный, концентрированный. Созданная в романе аллегоричная система метафор основывается на традиции духовно-религиозного поиска, отражения авторских идей посредством символов. Леонов использует их и как средство объективизации мировоззренческой позиции, и как литературный прием.

Большая часть работ, предметом которых является анализ стиля автора «Пирамиды», направлена на изучение традиционных литературных тропов и фигур речи. Они — основные инструменты истолкования текстов Леонова. Однако генезис леоновской метафорики практически не изучен. Чаще всего метафора в его творчестве рассматривается в общезыковом статусе. С нашей точки зрения, стиль, структура художественного сознания писателя в их знаково-символической многомерности на этой основе не могут быть поняты в полном объеме.

В работах леоноведов 1980-х — начала 2000-х гг. была заложена перспективная исследовательская интенция: видеть за внешней словесной формой его произведений субстанциональный, символично-философский план.

К традиционным языковым метафорам Леонова впервые обратился А. В. Степанов¹⁰. Для него Леонов — «выдающийся лингвист-потребник» XX в. «по широкому художественному охвату "внутренней формы" слова» [Степанов: 160].

Ф. Листван отметил присутствие в «Пирамиде» библейского материала. Польский русист указывает на появление в романе образа Христа, ранее не выступавшего в творчестве Леонова (см: [Листван: 98])¹¹.

Вопрос о связи последнего романа Леонова с библейской культурой, сюжетами и образами Св. Писания ставился

¹⁰ Исследователь писал: «... феномен леоновского стиля состоит в его всеохватывающей неожиданной реакции на любое слово русского языка и русскоязычия XX века, в его неограниченной способности на окказиональную сочетаемость» [Степанов: 158].

¹¹ Ф. Листван считал ветхозаветные мотивы и топосы основными координатами, определяющими аналогии между «русской Голгофой» (Леонов) и библейскими событиями.

неоднократно. Приоритетными для нашего исследования являются концепции А. Г. Лысова, В. С. Федорова, Ф. Листвана, которые обосновывают, с разной степенью погружения в проблему, необходимость рассматривать «Пирамиду» в критериях православного миропонимания.

В постижение библейских интертекстов «Пирамиды» немаловажный вклад внесли леоноведы, считающие основой его связей с поэтикой Нового Завета притчевые интенции, романский «мотивный комплекс» (см.: [Задорина]). Как пример осуществления принципа параллелизма комментирует притчу о блудном сыне Л. П. Якимова: «На параллелизме держится онтологический стержень романа — мотив вековечной борьбы Добра и Зла, реализуясь в сюжетных модификациях мифопоэтического рода — блудного сына, сделки с дьяволом, поединка противников, ожившего мертвеца, Апокалипсиса, просвечивая в интертекстуальных деталях запаха серы, вывернутости наизнанку» [Якимова: 202].

Жанровое своеобразие романа, по Якимовой, обусловлено интертекстуальной плотностью текста, а сама притча демонстрирует аллюзивно-архетипическую его пронизанность семантикой Библии (см.: [Якимова: 287–288]).

Л. Н. Дарьялова исследует особенности леоновского герменевтического акта, приемы «расширения читательского горизонта», к которым относятся «речевой курсив», библейские и евангельские изречения (см.: [Дарьялова: 63]).

Последнюю книгу писателя-философа отличает усиление роли метафоры на фоне других тропов и фигур речи. Чтобы осмыслить значимость символического и метафорического в тексте романа, рассмотрим отдельные примеры применения метафор. Действенность этого риторического приема подтверждается умением писателя создавать образы с внутренней формой, богатой по духовно-символическому содержанию. Метафорические образы, восходящие к библейскому канону, сближают речь автора-повествователя и его мыслящих персонажей. Между ними есть явная субстантивная связь и, вместе с тем, существует линия остранения, которая создана иронией Леонова по отношению к усилиям романских философов (Никанор, Вадим, о. Матвей, Финогеич, востоковед Филуметьев, режиссер

Сорокин) «уточнить библейскую ситуацию» (Леонов 1994; кн. 1: 80) «мифом о нынешней верховной смуте» (Леонов 1994; кн. 1: 51) и при этом:

«...по писанию, с жерновом на шее не утонуть в пучине морской за соблазнение малых сих» (Леонов 1994; кн. 1: 63).

Леоновым поставлены духовно-нравственные проблемы, разрабатываемые русской религиозной философией. Главные темы «Пирамиды» — отношения между человеком и миром, человеком и Богом, судьба страны как русской православной цивилизации. Важнейший для поэтики Леонова принцип — соответствие отдельных композиционно-речевых частей произведения эсхатологии евангельского текста. Автор не изменяет ему на всем протяжении романа. Многоуровневая романная композиция создается по принципу контрапункта, соединяющего, так же как у Достоевского, внешние и внутренние диалоги.

Лексема «наваждение» (по Далю — «навада», «искушение», «обман чувств»¹²) введена в подзаголовок «Пирамиды». Став синонимом миража, духовного заблуждения, этот топос раздвинул границы текста. Происходящее «за горизонтом обыденности» (Леонов 1994; кн. 1: 343) соединяет вещественную реальность с мнимой. Так обнаруживается присутствие в романе иррационального начала, мистериальных смыслов. Наряду с открытием сокровенных тайн мироздания, проекцией духовного содержания, образы-видения устанавливают связь между духовным и физическим в человеческой жизни. В Священном Писании эти моменты знаменовали откровение, блаженное чувство, очищающее сердце от страстей: «Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Подобные фразеологические обороты — средоточия онтологических идей «Книги книг».

Центральные герои «Пирамиды» проходят духовную проверку. Все они поддались ложной галлюцинации, в том числе — о. Матвей, «на судьбе которого построен ключевой миф о нынешней верховной смуте» (Леонов 1994; кн. 1: 50).

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Изд-е М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. С. 391.

В письме родственнику, отставному протопопу Устину Зуеву, он скажет о своей душевной слабости:

«И вот лукавый бес ночной шепчет мне под руку полюбоваться — как причудливо выполняется у нас нагорное пророчество о примате нищих духом в Царстве Божием» (Леонов 1994; кн. 1: 57).

Лишь Дуня и горбун Алеша, а также ангел Дымков — существо внеземной природы — пройдя через ряд искушений, не поддались дьявольскому соблазну.

В романе постоянны образные параллели с гипнотическим наваждением: «мистический туман» (Леонов 1994; кн. 1: 310), «бредовое воображение» (Леонов 1994; кн. 1: 397). В этих формулах разрыва с реальностью следует видеть метафору дольней жизни, духовного сна¹³, организованную по принципу сопоставления с евангельским утверждением: «...мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19).

В «Пирамиде» продуктивна метафора призрачности, эфемерности земного человеческого существования, развивающаяся вплоть до финальной сцены.

Все, что происходит в жизни старо-федосеевцев, случается «как бы во исполнение чьего-то тщательного продуманного бесовского замысла» (Леонов 1994; кн. 1: 38). Сам автор-повествователь лишь на последней странице «Пирамиды» выйдет из этого недужного состояния, опосредованного духовными видениями, испытаниями на крепость веры. Он «мучительно и долго» (Леонов 1994; кн. 2: 684) освобождается от соблазняющей силы наваждения, возвращаясь в реальность предвоенного времени. Сопутствует этому избавлению от «бесовской прелести» неопределенность как безусловное свойство будущего. Леонов так определил это пугающее ощущение:

«...непонятный, с примесью отчаянья, страх неизвестности, каким сопровождаются все эпохальные выздоровленья — от мечты, от прошлого, от самого себя в том числе» (Леонов 1994; кн. 2: 684).

¹³ В. В. Иванов так объясняет метафору духовного сна у Пушкина и Достоевского: «...духовный сон есть то необходимое условие, при котором торжествует зло. Христос приходит на Землю, чтобы пробудить человека к вечной жизни — спасти его» [Иванов: 347].

Метафора, с точки зрения концептуальной (когнитивной) лингвистики, «не просто перенос значения, троп, средство создания образности текста, а ментальная операция» [Богданова: 135].

У Леонова метафора выступает в качестве средства раскрытия душевных состояний героев и автора-рассказчика. Здесь проявляются зафиксированные М. Л. Новиковой две ее характеристики: особая сочетаемость метафорических словесных конструкций, а также «смысловое и эстетическое "приращение"» [Новикова: 25].

Искушение чудом (ср.: Мф. 4:1–11) входит в роман, открывая единство авторской мысли и евангельского слова. Последовательно используя эмоционально-экспрессивную и эстетическую функции метафоры, Леонов ввел в свой роман метафорические фразеологизмы: «хлеб насущный» (Леонов 1994; кн. 1: 227), «блаженство мудрых» (Леонов 1994; кн. 1: 342) и созданные на семантической основе метафорического языка Библии метафоры-приращения: «над бездной бытия» (Леонов 1994; кн. 1: 307), «жертвовать собой во благо ближнего» (Леонов 1994; кн. 1: 311) возвращение «сынов Божьих на положенный им нашест» (Леонов 1994; кн. 1: 310), «по-евангельски кроткий человек» (Леонов 1994; кн. 1: 311).

Для леоновского образного мышления метафора — метафорасимвол, двойная, смешанная метафора (в ней связано несколько образов) — является способом постижения мира вещественного и трансцендентного. Пространство первого — в чувственной форме, второго — в метафизической.

Библейская лексика часто соединяется с авторской, образуя семантически целостный оборот:

«Древняя заповедь сбылась — алчущие насытились, плачущие утешились, кроткие вышли из подвалов и трущоб, чтобы никогда не возвращаться» (Леонов 1994; кн. 1: 305).

Такие «синтезированные» леоновские фразеологизмы актуализируют изначальные евангельские значения, которыми обрамляется речь имплицитного автора и персонажей. Становясь тропами, входя в состав стилистических фигур, эти метафорические новообразования являются композиционно-речевыми элементами, выполняющими текстообразующую функцию.

Опираясь на память читателя, знакомого с текстом Св. Писания, Леонов выстроил в романе цепь интенсивных метафор, составленную из библейских паремий. Ретроспекциями из Нового Завета намечены сюжетные линии романа, восстанавливается глубинная этическая связь с первоисточниками: Евангелиями и каноническим христианским апокалипсисом — Откровением Иоанна Богослова (картины конца света в «Пирамиде» напоминают «общеизвестный А п о к а л и п с и с» (Леонов 1994; кн. 2: 327)).

Новозаветный текст может вращаться в речь героев. Так, кажущееся несоответствие между фигурой Сталина и евангельским словом расширяет христианский контекст «Пирамиды». Речевой портрет героев создается на скрещении авторского и библейского словесных рядов, которые в равной степени метафоричны. Евангельское понимание слова введено в рассуждения Сталина. Беседуя с ангелом Дымковым, хозяин Кремля пользуется словосочетанием «п р а в е д н о е ц а р с т в о» (Леонов 1994; кн. 2: 599), вспоминает комментарий семинаристского мудреца-эконома к прологу Евангелия от Иоанна. Идеиное содержание речений евангелиста истолковано здесь в духе категорического прагматизма:

«...если в начале времени некое магическое слово зажгло пламень жизни, то оно же, вывернутое наизнанку, способно и угасить ее» (Леонов 1994; кн. 2: 599).

Занимая иногда несколько десятков страниц текста, авторские сентенции содержат историю поэтапного низведения человечества «из сынов Божиих в толпу, в податную чернь <...>, радиоактивный пар» (Леонов 1994; кн. 2: 331). В образной ткани повествования Леонова метафора располагает автономным значением, но прежде всего — является главным компонентом изображения человеческих характеров и судеб, тесно переплетенных с исторической жизнью России и современностью.

Метафоры моря и огня в «Пирамиде» Леонова: новозаветные источники и приращение смыслов

Сюжет романа построен на предвоенных событиях, совершающихся на окраине Москвы, где располагается Старо-Федосеевский некрополь с древним храмом. Параллельно

развернута мистическая ситуация. Все, что происходит с героями и автором-повествователем, отображено в двумерном пространстве текста — реальном и мистериальном. В этом месте следует учесть эволюцию поэтического языка в общих границах мифа, символа и метафоры¹⁴.

Изоморфизм метафоры и мифа — существенный симптом авторского стиля Леонова. Для раскрытия сути событий, имеющих метафизический подтекст, необходимо философско-символическое толкование.

С первых страниц в повествование входит метафора церкви-корабля:

«В воображении моем косяком вытянутая на восток, обитель мертвых удивительно походила на корабль перед уходом в невозвратное плавание. Все было готово к отплытию: провожатые давно разошлись, пассажиры мирно почивали по каютам. Стая предзимнего воронья шумно кружила над погостом, устраиваясь на ночлег, словно ветер иной, запредельной непогоды клокотал в черных рваных парусах. И уже на паперти опознанный отрывок церковного напева отозвался во мне гулом целительных детских воспоминаний, и не было сил сопротивляться их властному зову» (Леонов 1994; кн. 1: 8–9).

Сравнение храма с кораблем развернуто в картину, созданную по образцу знакомых по русской литературе сцен духовного единства участников богослужения:

«Всенощная подходила к концу, и близился тот умиротворяющий момент, когда корабельщик в алтаре поручает Всевышнему довести утлое суденышко на вечное пристанище вскрай моря» (Леонов 1994; кн. 1: 9).

Показывая внутреннее состояние немногочисленных молящихся, Леонов завершает этот эпизод реминисценцией, отсылающей к блоковскому стихотворению. Апостолы и патриархи, словно сошедшие с фресок, показаны как участники всенощной:

¹⁴С. А Кошарная отмечает: «Метафора — это базовый принцип познания, может быть, основной способ мышления в процессе отражения действительности в концептуальной и языковой картинах мира. Можно полагать, что в основе древней символической номинации всегда лежит и метафора, и миф как два взаимосвязанных феномена» [Кошарная].

«Апостолов и патриархов на фресках виднелось больше, чем молившихся внизу понурых богомолок. Теснимые плесенью праведники на верхних ярусах по частям покидали обреченную обитель, <...> вслушивались в доносившийся к ним с левого клироса чистый, глухим стариновским дребезжаньем сопровождаемый, девичий дисканток, потому лишь на той серебряной ниточке и удерживался весь корабль у причала» (Леонов 1994; кн. 1: 9).

Тревожная тишина, наступившая в обители Лоскутовых накануне драматических происшествий, случившихся позднее в семье бывшего православного батюшки, соотносится не только с настоящим временем. Привлекается и евангельское сравнение:

«И правда, в сравнении с тем, что творилось на Руси, даже с учетом незаживаемой раны Лоскутовых, тишина установилась в старо-федосеевском некрополе, как на дне моря житейского» (Леонов 1994; кн. 1: 60).

По ходу развития сюжета Леонов несколько раз будет возвращаться к метафоризации морской лексики, дополнять первоначальные смыслы образов водной стихии оборотами «корабль мертвых», «море вечности», «старо-федосеевский причал» (Леонов 1994; кн. 1: 397–398).

«Морские» метафоры «Пирамиды» вариативны. Они — воплощение зыбкости, неустойчивости человеческого бытия. Метафорика, основанная на концептах «море» и «океан», главным образом, заимствуется писателем из Библии. Леонов вводит в роман и историософские метафоры, построенные на природных аналогиях. Исторический процесс, по выражению Вадима Лоскутова, заключается «в нормальном чередовании приливов и отливов» (Леонов 1994; кн. 1: 148).

Т. М. Вахитова, характеризуя присутствие метафор воды в материальном мире и в философских диалогах героев Леонова, пишет о теологическом «соучастии» природы в грехопадении и спасении человека. В «Пирамиде» море метафорически обозначило первооснову жизни. Будучи частью природы, вода обладает магическими свойствами: «Вода может быть предметом чудотворения. <...> В этом море есть и библейские воды потопа, и реальные водные потоки не только России, но и других стран» [Вахитова: 80–81].

Не в меньшей степени насыщена евангельской метафориче-ской вторая книга «Пирамиды». Размышляя о русской исто-рии, автор отталкивается от метафоры «корабль-государство». Так будет создан один из самых запоминающихся образов рома-на — образ России-ковчега. Леонов осмысливает реалии исторического пути России в метафизическом измерении, привлекая интуицию, соединенную с возможностями герме-невтического мышления. Раскрывается механизм порождения образов, определяемый природой самой метафоры, тесно связанной символическим видением мира:

«При очевидном неуменье ума постичь загадку, снова на помощь призывается иероглиф образа, в нем ключ к непосильному, с уй-мой неизвестных, уравнению...» (Леонов 1994; кн. 2: 80).

Это высказывание с особой внутренней формой, в которой значение отдельных слов приобретает новый, добавочный, смысл. На этой же основе строится сравнение России с рекой. Вот это место из диалога героев-мыслителей «Пирамиды», Вадима и Никанора, где высказана твердая вера в историческую будущность страны:

«А что касается России, то как бы ни обернулось с ней, она по-добно всякой древней реке — то зажата в скалистых берегах, то вырвавшись на простор из теснины, все так же, вясь и са-момобытно сверкая на солнышке, будет вливаться в тот же Океан бы-тия...» (Леонов 1994; кн. 2: 144–145).

Трудно понять смысл леоновской фразы вне метафоры. В особенности значим этот вывод, когда мы переходим к самым важным — духовно-религиозным аспектам леоновского ино-сказательного стиля.

Семантическая родственность языка «Пирамиды» с ново-заветной метафорикой удостоверяется тем, что через авторские фразовые новации просвечивают исконные смыслы священных образов. В частности, встраиваемые в речь Филуметьева «слова с церковным звучанием» (Леонов 1994; кн. 2: 225) раскрывают причину «разрыва русского Бога с Россией». Не случайно в качестве посредника в этом споре неопита со старым востоко-ведом привлечен Достоевский:

«— По смыслу притчи Достоевского о Великом Инквизиторе это Россия изгнала Иисуса из страны, тем самым обрекая себя на долгое и междоусобное безумие» (Леонов 1994; кн. 2: 226), — изрекает Вадим.

Старший из двух братьев Лоскутовых, высказывая мысль о том, что Сын Божий отринут миром (т. е. всеми людьми, населяющими землю), отказывает современникам в чувстве любви и милосердия. Подтекст этой реплики выявляется в комментарии повествователя с искусно включенной в него цитатой из Ф. Тютчева:

«Вадим, видимо, как попovich, стремящийся сроднить социализм с христианством, утверждал, что изгоняемый Христос ни за что не покинул бы, не оставил в беде возлюбленную страну, которую, по слову поэта, в рабской ризе из края в край исходил, благословляя» (Леонов 1994; кн. 2: 226).

Леонов представляет человека и мир не только в эмпирическом, но и в метафизическом замере, привлекая интуицию, связанную с возможностями герменевтического мышления. Духовно-реальное в романе переплетено с событиями повседневности. Леонов остается причастным как первому, так и второму.

Автор «Пирамиды» подчиняет изображаемое главной эстетической цели:

«...закрепить <...> встречи, разговоры с собой наедине, всякого рода о т к р о в е н и я — все это быстротекущее, ускользающее чудо бытия» (Леонов 1984: 551).

Новозаветная метафора может создавать новый контекст. Используя евангельский фразеологизм «хлеб насущный» (Мф. 6:11), Леонов вложил в речь героя одно из своих первостепенных идейно-творческих убеждений:

«...художник и не в ладах иногда со своим временем, за исключением грозных периодов истории, когда в условиях всеобщей непогоды жизнь во всех разделах приобретает гнетущую одинаковость и пропадают благотворные противоречия его со средой, составляющие как бы диалог народа с самим собою о вещах важнее хлеба насущного, то есть национальное мышление» (Леонов 1994; кн. 2: 454).

Писатель концентрирует метафорические фразеологизмы в авторском дискурсе, независимо от того, каким образом они используются: в прямом виде, как многоступенчатая метафора, или изобретены писателем. Матвей Лоскутов, например, осторожен в пересказе религиозных заповедей. Как сказано в авторском комментарии:

«Примечательно, что из опасенья единого от малых с их ввест в соблаз утешительной своей ересью, ставшей его вероисповеданьем, о. Матвей ограничился кратчайшим изложением древнего догмата как высшей истины без земных доказательств, лишаящих ее тайны и святости» (Леонов 1994; кн. 1: 390).

В речь Вадима включено множество подобных словесных оборотов:

«Законно предположить, что как раз из помянутой <...> среды <...> станут отныне все чаще возникать свирепые апостолы справедливейшего, до полной биологической нивелировки доведенного равенства...» (Леонов 1994; кн. 2: 104).

Из его слов следует, что истоки национальной судьбы русского народа надо искать в его нравственном строе:

«... действительно поведение наше аккуратнo согласуется с евангельской догмой... <...> "Нет выше¹⁵ той любви, ещe¹⁶ кто положит душу свою за други своя"» (Леонов 1994; кн. 2: 126).

Мировидческая позиция писателя воплощается в системе метафорических репрезентаций. Отправные поэтологические координаты Леонова видятся в творческом синтезе не только «гуманистической космогонии как концепции оптимально справедливого мироустройства» [Зайцев: 92], но и истории мировой культуры и литературных традиций.

Метафоричность текста итогового леоновского произведения обусловлена самой природой метафоры, сущность

¹⁵ В Евангелии от Иоанна: «Нет **больше** (выделено нами. — А. Д.) той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Замена слова «больше» на «выше», скорее всего, объясняется тем, что в последней версии «Пирамиды» текст сверялся редактором по словарю Даля: «Нет выше той любви, как за друга душу свою полагать» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 287).

¹⁶ Так в тексте.

которой определяет символическое видение мира. На почве традиционных метафор создается высказывание с яркой внутренней формой, в котором значение отдельных слов приобретает новый, приращенный смысл.

В «Пирамиде» воссоздается трагедия двойственного бытия человека в мире. Мысль писателя питает идея Царства Божьего, наступлению которого предшествует огненная жатва (см.: Мф. 13:24–43), очищение огнем (см.: [Непомящих: 59–69]), выступившее в закатном произведении Леонова в качестве одной из концептуальных метафор.

Символика огня в Новом Завете несет в себе не только вододушевляющее значение¹⁷. Чаще всего с огненной стихией связана разрушительная сила, которая карает нечестивых. В огне Судного дня горят падшие ангелы (см.: Мф. 25:41), в огненное озеро будет низвергнут дьявол (см.: Откр. 20:10), соблазненные им народы пожирает небесный Огонь (см.: Откр. 20:9).

Повествователь в «Пирамиде» становится соучастником происходящего, разделяя судьбу старо-федосеевской обители, отданной «на перемол огню» (Леонов 1994; кн. 2: 684). Восстанавливая в своем закатном романе евангельские смыслы огня, Леонов сохранил отблески «огнепальных» образов. В финале «Пирамиды» искры от костра, в котором сгорит оставшийся от церкви «древесный хлам», опадают пеплом «на просторную окрестность по ту сторону поверженного наземь Старо-Федосеева», на «подставленную ладонь» рассказчика-погорельца, охваченного «непонятым, с примесью отчаянья страхом» (Леонов 1994; кн. 2: 684).

Одно из слагаемых, обнаруживающих нравственно-духовную глубину романа Леонова, — его образно-символический язык, который ориентирован на поэтику и смысловую неисчерпаемость метафорических речевых оборотов Нового Завета.

---

¹⁷ См., например: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12:49).

Заключение

Рассмотрение роли и места евангельских метафор моря и огня в романном пространстве высветило их идейно-художественную многомерность. Мыслительная ткань «Пирамиды» насыщается словообразами, перенесенными из священного текста (преимущественно из Евангелий от Матфея, Луки, Иоанна, Откровения Иоанна Богослова с их ярко выраженными эсхатологическими идеями и пафосом).

Автор «Пирамиды» создал неоднородный, диалогический тип текста. Леоновым выстроена цепь симметричных словесных структур, основанных на ассоциативных связях, на контаминации прямых цитат из Священного Писания с высказываниями повествователя и героев.

Метафоризация играет ключевую роль в создании двух параллельных реальностей романа. Это осознанный художественный прием, средство порождения философских смыслов произведения. Через повторы «строгих» новозаветных метафор и развитие их значений Леонов выстраивает внутренний, духовный сюжет своего литературного завещания. Метаморфные новозаветные образы используются писателем в качестве исходного начала структурирования собственной мысли.

Метафора у Леонова — это не только фигура речи, но и в значительно большей степени способ образного мышления, «ядерный» элемент символично-реалистического художественного метода. Метафоры, имеющие своим источником Священное Писание Нового Завета, явились универсальным способом построения авторской модели мироустройства, воздействовали на язык и стиль романа. Леонов применяет метафорические перифразы, отсылки-аллюзии, которыми в большинстве случаев замещается прямое цитирование новозаветного текста.

Новозаветная метафора — императивный компонент образно-символического языка романа. Писатель-философ сблизил идейно-художественный мир произведения с сакральными смыслами Священного Писания. Этот принятый по национальной литературной традиции источник творчества являет собой идейную основу эстетики писателя.

Список литературы

1. Богданова Е. С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник РГУ им. С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 134–145.
2. Вахитова Т. М. Природные стихии в творчестве Леонида Леонова // Русская литература. 2005. № 3. С. 73–90.
3. Воробьев А. А. Философские возможности советской литературы: поздний Леонов // Вопросы философии. 2019. Вып. 6. С. 159–166 [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.jes.su/vphil/s00428744005349-8-1> (01.08.2023). DOI: 10.31857/S00428744005349-8
4. Горбов Д. Поиски Галатеи. М.: Федерация, 1929. 300 с.
5. Дарьялова Л. Герменевтика художественного моделирования и интертекст в романе Л. Леонова «Пирамида» // Слово.ру. Балтийский акцент. Калининград: Изд-во Балтийского гос. ун-та им. Канта, 2013. № 1. С. 59–66.
6. Десятников В. Дневник Русского: в 5 т. М.; Сергиев Посад: Галерея Владимира Десятникова: Историко-культурный центр «Маковец», 2013. Т. 5. 429 с.
7. Дырдин А. А. Проза Леонида Леонова: метафизика мысли. М.: Издательский Дом «СИНЕРГИЯ», 2012. 294 с.
8. Задорина А. О. Мотивный комплекс, восходящий к текстам священного писания, в романе Л. М. Леонова «Пирамида»: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2012. 176 с.
9. Зайцев Н. И. Русский гений: «Русская идея» в поэтологии Леонида Леонова // Наследие Л. М. Леонова и судьбы русской литературы: мат-лы VII Междунар. науч. конф. / отв. ред. А. А. Дырдин. Ульяновск: Изд-во Ульяновского тех. ун-та, 2010. С. 85–96.
10. Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.
11. Здольников В. В. Леонов и Достоевский: к вопросу о преемственности традиций // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. Витебск: Изд-во Витебского гос. ун-та, 2008. Т. 7. С. 148–161.
12. Иванов В. В. О евангельском смысле метафоры сна в оде А. С. Пушкина «Пророк» и романах Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» и «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 347–360 [Электронный ресурс]. URL: <http://roetica.pro/journal/article.php?id=2633> (01.08.2023). DOI: 10.15393.j9.art.2001.2633
13. Ковалев В. А. Этюды о Леониде Леонове. М.: Современник, 1974. 293 с.
14. Кошарная С. А. Миф как метафора // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/30FLSK320.pdf> (03.08.2023).
15. Листван Ф. Библия в романе Леонида Леонова «Пирамида» // Родное и вселенское: эстетика и художественные искания русской литературы XIX — начала XXI века: сб. науч. тр. / сост., отв. ред. А. А. Дырдин.

- Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2021. Вып. 8. С. 96–108 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ulstu.ru/venec/disk/2021/133.pdf> (03.08.2023).
16. Лысов А. Г. Последний автограф («Пирамида» как роман-самоопределение) // Роман Л. Леонова «Пирамида»: проблема мирооправдания / отв. ред. Т. М. Вахитова, В. П. Муромский. СПб.: Наука, 2004. С. 209–227.
  17. Непомнящих Н. А. Мотивы русской литературы в творчестве Л. М. Леонова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 177 с.
  18. Новикова М. Л. Метафора и текст // Русская речь. 1982. № 4. С. 25–30.
  19. Сорокина Н. В. К методологии типологического анализа леоновской романистики // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов: Изд-во ТамГУ, 2006. Вып. 4 (44). С. 507–509.
  20. Степанов А. В. Метафоры Леонида Леонова: к проблеме образного строя мышления // Век Леонида Леонова: проблемы творчества. Воспоминания. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 155–161.
  21. Чернейко Л. О. Языковая метафора и метафорическое мышление // Язык, сознание, коммуникация. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, МАКС Пресс, 2021. Вып. 63. С. 40–61. DOI: 10.29003/m2524.lmc2021-63/40-61
  22. Якимова Л. П. Поэтика русской литературы в семиотическом освещении. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2022. 298 с.

References

1. Bogdanova E. S. Metaphors in Fictional Texts: Functions, Perceptions, Interpretations. In: *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina [The Bulletin of Ryazan State University Named after S. A. Yesenin]*, 2016, no. 3 (52), pp. 134–145. (In Russ.)
2. Vakhitova T. M. Natural Elements in the Works of Leonid Leonov. In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, no. 3, pp. 73–90. (In Russ.)
3. Vorob'ev A. A. Philosophical Possibilities of Soviet Literature: Leonid Leonov's Last Stage. In: *Voprosy filosofii*, 2019, issue 6, pp. 159–166. Available at: <https://ras.jes.su/vphil/s004287440005349-8-1> (accessed on August 1, 2023). DOI: 10/31857/5004287440053-49-8 (In Russ.)
4. Gorbov D. *Poiski Galatei [Searching of Galatea]*. Moscow, Federatsiya Publ., 1929. 300 p. (In Russ.)
5. Dar'yalova L. The Hermeneutics of Literary Modelling and Intertext in L. Leonov's Novel "The Pyramid". In: *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent [Slovo.ru: Baltic Accent]*. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2013, no. 1. pp. 59–66. (In Russ.)
6. Desyatnikov V. *Dnevnik Russkogo: v 5 tomakh [Diary of a Russian: in 5 Vols]*. Sergiev Posad, Moscow, Galereya Vladimira Desyatnikova Publ., Istoriko-kul'turnyy tsentr "Makovets" Publ., 2013, vol. 5. 429 p. (In Russ.)
7. Dyrdin A. A. *Proza Leonida Leonova: metafizika mysli [Leonid Leonov's Prose: Metaphysics of Thought]*. Moscow, Sinergiya Publ., 2012. 294 p. (In Russ.)
8. Zadorina A. O. *Motivnyy kompleks, voskhodyashchiy k tekstam svyashchennogo pisaniya, v romane L. M. Leonova "Piramida": dis. ... kand. filol. nauk [The Motive Complex, Which Goes Back to the Texts of the Scripture, in L. M. Leonov's "The Pyramid"]*. PhD. philol. sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2012. 176 p. (In Russ.)

9. Zaytsev N. I. Russian Genius: “Russian Idea” in the Poetology of Leonid Leonov. In: *Nasledie L. M. Leonova i sud’by russkoy literatury: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Ulyanovsk, 9–12 sentyabrya 2010 g.)* [Leonid Leonov’s Legacy and the Fate of Russian Literature: Materials of the 7th International Scientific Conference (Ulyanovsk, September 9–12, 2010)]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University Publ., 2010, pp. 85–96. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. The Word and the Italics in “Crime and Punishment”. In: *Russkaya retch’* [Russian Speech], 1979, no. 4, pp. 21–27. (In Russ.)
11. Zdol’nikov V. V. Leonov and Dostoevsky: to the Question of the Continuity of Traditions. In: *Uchenye zapiski Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta imeni P. M. Masherova* [Scientific Notes of Vitebsk State University Named After P. M. Masherov]. Vitebsk, Vitebsk State University Named After P. M. Masherov Publ., 2008, vol. 7, pp. 148–161. (In Russ.)
12. Ivanov V. V. The Study of Evangelic Meaning of a Dream Metaphor in Alexander Pushkin’s Ode “The Prophet” and Fyodor Dostoevsky’s Novels “Crime and Punishment” and “The Idiot”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 347–360. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2633> (accessed on August 1, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2633 (In Russ.)
13. Kovalev V. A. *Etyudy o Leonide Leonove* [Etudes About Leonid Leonov]. Moscow, Sovremennik Publ., 1974. 293 p. (In Russ.)
14. Kosharnaya S. A. Myth as a Metaphor. In: *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul’turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 2020, vol. 11, no 3. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/30FLSK320.pdf> (accessed on August 03, 2023). (In Russ.)
15. Listvan F. Bible in Leonid Leonov’s Novel “The Pyramid”. In: *Rodnoe i vse-lenskoe: estetika i khudozhestvennye iskaniya russkoy literatury XIX — nachala XXI veka: sbornik nauchnykh trudov* [Native and Universal: Aesthetics and Artistic Searches of Russian Literature of the 19th — Early 21st Centuries: the Collection of Scientific Works]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University Publ., 2021, issue 8, pp. 96–108. Available at: <http://lib.ulstu.ru/venec/disk/2021/133.pdf> (accessed on August 03, 2023). (In Russ.)
16. Lysov A. G. The Last Autograph (“The Pyramid” as a Novel-Self-Determination). In: *Roman L. Leonova “Piramida”: problema miroopravdaniya* [L. Leonov’s Novel “The Pyramid”: the Problem of World Justification]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 209–227. (In Russ.)
17. Nepomnyashchikh N. A. *Motivy russkoy literatury v tvorchestve L. M. Leonova* [Motifs of Russian Literature in the Works of L. M. Leonov]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 177 p. (In Russ.)
18. Novikova M. L. Metaphor and Text. In: *Russkaya rech’* [Russian Speech], 1982, no. 4, pp. 25–30. (In Russ.)
19. Sorokina N. V. On Methods of Typological Analysis of L. M. Leonov’s Novels. In: *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye*

- nauki* [Tambov State University Reviews. Series Humanities]. Tambov, Tambov State University Publ., 2006, issue 4 (44), pp. 507–509. (In Russ.)
20. Stepanov A. V. Leonid Leonov's Metaphors: on the Problem of Figurative Style of Thinking. In: *Vek Leonida Leonova: problemy tvorchestva. Vospominaniya* [The Age of Leonid Leonov: Problems of Works. Memories]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 155–161. (In Russ.)
21. Cherneyko L. O. Language Metaphor and Metaphorical Thinking. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sbornik statey* [Language, Mind, Communication: the Collection of Articles]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., MAKS Press Publ., 2021, issue 63, pp. 40–61. DOI: 10.29003/m2524.lmc2021-63/40-61 (In Russ.)
22. Yakimova L. P. *Poetika russkoy literatury v semioticheskom osveshchenii* [Poetics of Russian Literature in Semiotic Review]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022. 298 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дырдин Александр Александрович, *Alexander A. Dyrdin*, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник департамента научных исследований и инноваций, Ульяновский государственный технический университет (ул. Северный Венец, 32, г. Ульяновск, Российская Федерация, 432027); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-3752>; e-mail: dyrd@mail.ru.

Alexander A. Dyrdin, PhD (Philology), Professor, Chief Researcher of the Department of Scientific Research and Innovation, Ulyanovsk State Technical University (ul. Severnyy Venets 32, Ulyanovsk, 432027, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-3752>; e-mail: dyrd@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.08.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.10.2023

Принята к публикации / Accepted 11.10.2023

Дата публикации / Date of publication 21.11.2023